

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2022, №3, Том 13 / 2022, No 3, Vol 13 <https://sfk-mn.ru/issue-3-2022.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/62SCSK322.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Божок, Н. С. Инверсия социального взаимодействия жителей города в ситуации вызовов пандемии /
Н. С. Божок, Я. В. Веденева, А. А. Чернецкая // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2022.
— Т. 13. — № 3. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/62SCSK322.pdf>

For citation:

Bozhok N.S., Vedeneva Ya.V., Tchernetskaya A.A. Inversion of social interaction of city residents in the situation of pandemic challenges. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 3(13): 62SCSK322. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/62SCSK322.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, грант № 18-18-00321-П

УДК 316

Божок Николай Сергеевич

ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», Саратов, Россия
Доцент «Философии, социологии, культурологии», старший научный сотрудник
Научно-образовательного регионального центра мониторинговых исследований
Кандидат социологических наук
E-mail: nikolaybozhok@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0116-1669>
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=785713

Веденева Яна Витальевна

ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», Саратов, Россия
Социолог, научный сотрудник Научно-образовательного регионального центра мониторинговых исследований
Кандидат социологических наук
E-mail: vedeneva_yv@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6017-4342>
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=789096

Чернецкая Анжела Альбертовна

ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», Саратов, Россия
Доцент «Философии, социологии, культурологии», социолог
Научно-образовательного регионального центра мониторинговых исследований
Кандидат социологических наук, доцент
E-mail: acherneckaya@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5448-1087>
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=472531

**Инверсия социального взаимодействия
жителей города в ситуации вызовов пандемии**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению изменений социального взаимодействия жителей города, сформированных под воздействием пандемии COVID-19. В фокусе социологического осмысления сущности ограничительных мер находится именно смена привычных каналов и форматов взаимодействия индивидов, ставшая главным следствием ограничений. Особенно иллюстративно данные процессы были выражены в крупных населённых пунктах, городах — там, где плотность социальных контактов гораздо выше. В этой связи анализ трансформаций практик социального взаимодействия позволяет выявить ключевые факторы, сформировавшие условия укоренения транслируемых перемен,

наблюдаемых по завершении действия ограничений. В качестве метода исследования было выбрано интервью. Этот метод был применён к представителям маломобильных групп населения, являющимися клиентами социальных сервисов: инвалидам, родителям детей с инвалидностью и пожилым гражданам (N = 27). География исследования распространилась на три российских города: Казань, Саратов, Томск (2021 г.). Благодаря использованию данного инструментария удалось выявить и проанализировать основные изменения социальных практик маломобильных граждан в связи с ограничительными мерами. Преимуществом данной методологии сбора и интерпретации данных является глубокое понимание исследуемого феномена. Авторы статьи на основании результатов проведённого качественного исследования, подкрепляемых имеющимися в актуальном академическом дискурсе мнениями, анализируя инверсию способов социального взаимодействия в период пандемии, выделяют несколько ключевых направлений их трансформации — появление новых символов и новой символической нагрузки ряда понятий; развитие новых форм проявления лояльности и несогласия в отношении официального порядка, общественных интересов; фильтрация, разделение действий, контента, контактов, на онлайн- и офлайн-форматы; изменение рынка труда и сферы образования; усиление темпорального неравенства.

Ключевые слова: пандемия COVID-19; население города; общественная жизнь; социальные процессы; социальная динамика; доступность городской среды; социальное взаимодействие; конструирование стиля жизни

Пандемия коронавируса и связанные с ней ограничения сформировали турбулентную социальную среду и стали причиной значительных изменений в различных сферах жизни общества: в функционировании системы государственных органов, деятельности институций, обеспечивающих благополучие населения, в поведении каждого отдельного индивида в частности. Особый исследовательский интерес представляют трансформации групповых интеракций [1], поскольку смысл ограничительных мер в большей степени заключался в снижении интенсивности контактов с целью предотвращения распространения инфекции. В фокусе социологического осмысления сущности ограничительных мер находится именно смена привычных каналов и форматов взаимодействия индивидов, ставшая главным следствием ограничений. Особенно иллюстративно данные процессы были выражены в крупных населённых пунктах, городах — там, где плотность социальных контактов гораздо выше. В этой связи анализ трансформаций практик социального взаимодействия позволит выявить ключевые факторы, сформировавшие условия укоренения транслируемых перемен, наблюдаемых по завершении действия ограничений.

В качестве метода исследования было выбрано интервью. Этот метод был применён к представителям маломобильных групп населения, являющимися клиентами социальных сервисов: инвалидам, родителям детей с инвалидностью и пожилым гражданам (N = 27). География исследования распространилась на три российских города: Казань, Саратов, Томск (2021 г.). Благодаря использованию данного инструментария удалось выявить и проанализировать основные изменения социальных практик маломобильных граждан в связи с ограничительными мерами. Преимуществом данной методологии сбора и интерпретации данных является глубокое понимание исследуемого феномена. По мнению Е. Ярской-Смирново, подобная глубина может быть обусловлена близостью исследователя к акторам поля и их включённостью в аутентичные процессы и практики [2, с. 22].

Феномен безопасности на всех этапах развития человеческого сообщества всегда вызывал интерес у исследовательского сообщества в силу своей актуальной практической значимости. Научные теоретические источники нечасто используют термин «безопасность».

При этом само понимание безопасности имеет разные формы проявления, отличающиеся содержанием и смыслом.

Дж.С. Милль, изучая безопасность, говорит, прежде всего, о безопасности общества в демократическом режиме как о самом существенном и драгоценном виде личной и общественной пользы общества, именуя безопасность «интересом высшего порядка» [3]. Такой формулировкой автор намеренно акцентирует внимание на необходимости учета имеющейся взаимосвязи между смыслами безопасности, транслируемыми на микро- и макроуровнях. Обретая большее значение для каждого отдельного индивида, безопасность как социальная категория становится максимально важной и для группы в целом. В. Кузнецов считает, что социология безопасности уместна тогда, когда речь идет о порядке и свободе, стабильности и законности в обществе [4], поворачивая фокус понимания безопасности в русло анализа поддерживающих и обеспечивающих устойчивость системы функций. В данном случае безопасность выступает инструментом воздействия и управления обществом. Существование подобных объединений позволяет людям эффективно функционировать в обществе, сохраняя собственную культуру, язык и самобытность, не испытывая при этом давления извне. Безопасность позволяет поддерживать целостность системы ценностей малых групп, интегрированных в крупные объединения.

Анализируя мнения, представленные в академическом дискурсе, можно обнаружить примечательные для дальнейших разработок определения. Сопоставление понятий социального порядка и девиации позволяет рассмотреть безопасность «как свойство социального порядка сохранять и развивать самое себя в условиях девиантного поведения» [5, с. 84]. Социальный порядок же представляет особую ценность в силу того, что обеспечивает стабильность, устойчивость и выживаемость общества. Исследование пересечения данных понятий создает возможность понимания проблемы безопасности в современных условиях.

Помимо явных жизнеугрожающих следствий распространения коронавирусной инфекции, немалое значение также имели и не очевидные на первый взгляд, но ощутимые в своих проявлениях аспекты, связанные с внедряемыми переменами. Представители разных социальных групп демонстрировали отличающуюся степень чувствительности к трансформации привычного уклада в тех или иных сферах жизни. В то же время перемены так или иначе охватили всех без исключения и, как следствие, обнажили имеющиеся в обществе виды социального неравенства. А. Темкина обращает внимание на усугубившиеся на фоне пандемии проявления символического, культурного, экономического, регионального, гендерного, возрастного, профессионального неравенств [6]. Несмотря на вскрывшиеся различия, общим для всех членов общества остается одно — возрастающая роль запроса на безопасность. Находящаяся на пике своей актуальности безопасность стала одинаково востребованной для всех и выступила своего рода объединяющим различные социальные группы фактором.

Одним из наиболее ярко прослеживающихся атрибутов пандемийного времени, визуально изменившем контекст коммуникаций, стало использование средств индивидуальной защиты. Законодательная регламентация ношения лицевых масок реализовывалась в разных регионах неравномерно — одни города включались раньше, другие позже, где-то требовалось ношение масок и перчаток, где-то только средств защиты органов дыхания. В крупных городах и областных центрах директивность соблюдения подобных covid-превентивных инструментов контролировалась строже — к нарушителям нового противоэпидемиологического режима применялись меры административного воздействия. В малых городах официально зафиксированных прецедентов было гораздо меньше. Примечательно, что номинальное невыполнение требований масочного режима в случае необходимости могло использоваться органами охраны правопорядка как повод применения репрессивных опций (например, для преследования участников несанкционированных митингов).

По мере распространения вируса и все более выраженного оформления необходимости ношения масок трансформировалось и их символическое значение: барьерный способ защиты органов дыхания стал индикатором соответствия одобряемым социальным нормам и следования правилам группы: «Масочный режим я не нарушала. Потому что, как говорится, уже ученая и напуганная пройденным, поэтому я всегда в маске. Но людей видела, что некоторых и на три тысячи штрафовали. И останавливали, и ругали, и беседовали» (Ж., 50 лет), «Ну стараюсь все равно в общественных местах, где большое скопление людей, надевать маски — это, соответственно, транспорт и магазины. Приучаю ребенка также все равно постоянно мыть руки, соблюдая какие-то вот эти средства дезинфицирующие, то есть все мыть, убирать, наверное, ну и, если ты где-то в обществе находишься и, если ты видишь, что где-то там человек кашляет или чихает, как-то держаться в стороне» (Ж., 31 год).

Осознанный отказ от ношения маски стал доступным инструментом демонстрации индивидами притязаний на свободу действий и нежелание подчиняться нормам: «Мужчину попросили надеть маску, там начался такой скандал, что просто мама дорогая, вот опять-таки дайте мне лицензию, почему я у вас должен покупать эту маску? Ему говорят, что Вы можете воспользоваться, пожалуйста, бесплатной. Там начался такой скандал: «да что Вы мне тут суете, что Вы мне предлагаете» (Ж., 30 лет). Лица, находящиеся в общественных местах без масок, воспринимались окружающими как источник потенциальной угрозы не только эпидемиологического характера, но и социального, связанного с возможной склонностью к противоправным действиям — «Лично я делал замечания. Лично сам нарвался на скандал. Помощи от государства, ни от какой охраны магазина нет. Мне бы могли просто отшибить «башку», и я бы стал вторым инвалидом в семье. Моя позиция — «не вмешивайся, оно тебе не надо» (М., 45 лет). С. Туркулец, А. Туркулец, Е. Листопадова, М. Сокольская отмечают, что нередко «относились к ним [к людям без масок] со страхом и подозрением, высказывали критические замечания» [7]. Приверженцы «масочного нигилизма» показательно отрицали необходимость следования общим требованиям: «Видела лично, как однажды в продавца полетел весь товар с прилавка на просьбу надеть покупателю маску. Виноватыми оказываются те, кто подчиняется. Я с недоумением отношусь к подобным ситуациям и кроме глупости и детского сада ничего не вижу. Здравомыслие уж точно отсутствует» (Ж., 40 лет).

И.В. Богдан, Д.П. Чистякова, К.И. Габов, анализировавшие гетерогенность общества по принципу отношения индивидов к необходимости соблюдения действующих пандемических ограничений в публичных местах, трактовали её как «показатель приверженности мерам» [8, с. 56]. Выявленные корреляции между практиками выражения приверженности предлагаемым мерам и реальным поведением населения основаны, в первую очередь, на декларации их обязательности. Данный тезис находит отражение в высказываниях информантов: «Все для галочки, все для галочки... По мне, так это клоунада» (Ж., 50 лет).

Однако не стоит исключать из фокуса внимания тех индивидов, которые не считали ношение маски эффективным способом защиты, но при этом не были готовы пострадать от применяемых санкций и номинально исполняли предписания режима: «Людей до такой степени запугали за время этой пандемии, люди друг друга боятся. До такой степени их зашугать — это же уму непостижимо» (Ж., 74 года). Надетая не должным образом гигиеническая маска понимается нами как пассивная готовность формального соблюдения норм.

Таким образом, лицевая маска как некий образ пережила в последние три года яркую символическую трансформацию от предмета медицинского обихода до символа надежды, символа протеста, предусмотрительности и личного выбора, маркера социальной ответственности, а также предмета спекуляции и главного модного аксессуара.

Похожим образом можно проследить принцип формирования отношения к ещё одной норме пандемийного времени — социальному дистанцированию, заметно изменившему облик городских локаций [9]. Требования по соблюдению социальной дистанции тоже воспринимались информантами неоднозначно. Для одних — это эффективный способ защиты, для других — формальность: «Очень хорошо отношусь, потому что считаю, что это помогает. Очень хорошо, потому что это именно и нужно — социальная дистанция, для того, чтобы предотвратить все риски, связанные с передачей вируса» (Ж., 60 лет), «Многие люди не соблюдали дистанцию, стоят друг за другом. Некоторые просто не соблюдали, без маски приходили» (М., 45 лет). Появившаяся во всех значимых социальных местах специальная разметка, определяла расстояние, которое индивиды должны были соблюдать при возможности контактирования друг с другом — «В общественном месте надо, а на природе? Изолироваться от кого? От деревьев, от птиц?» (М., 45 лет). Соблюдение данной нормы носило весьма формальный характер и использовалось чаще ситуативно, например, в общественном транспорте это требование нередко игнорировалось: «У меня муж на машине работает и я тоже на машине, общим общественным транспортом особо не пользовалась. А те, кто ездит на общественном транспорте, там, конечно, ни о какой дистанции речи не было. А если кто-то чихнет или не дай Бог, сопля появится, то все люди стали очень агрессивно и беспокойно себя вести и реагировать, думаю, что это покушение на их здоровье» (Ж., 45 лет). Соблюдение дистанции вкупе с ношением маски привело к формированию новой жестовой культуры: в обиход вошли поклоны и кивки головой, взмахи рук в качестве приветствия. Как отмечает в своих работах И.А. Гареева, во время пандемии люди избегали телесных форм взаимодействия [10, с. 105]. Выразительная пантомимика компенсировала, заменила скрытую под маской мимику, дружеские объятия, рукопожатия.

В период действия ограничительных мер новые смыслы приобретают и привычные практики. Так, ставшие невозможными в режиме жёстких ограничений прогулки на улице приобрели особую ценность и востребованность для горожан — «Тяжело было моим детям. Они не понимали, почему не надо ходить на улицу, почему не надо идти на детскую площадку» (М., 45 лет).

Занятия спортом популяризировались посредством большой степени вовлеченности и заинтересованности в любом виде физической активности на открытых уличных площадках даже среди тех, кто ранее не был связан со спортом. Оборудованные уличные спортивные территории стали местом притяжения горожан всех возрастов. Благодаря обнажившимся в период пандемии преимуществам уличных тренировок, многие пересмотрели необходимость приобретения абонементов в фитнес центры и отдали предпочтение доступным бесплатным занятиям в спортивных локациях города.

Изменились также и способы коммуникации. Вместо реальных встреч — онлайн-формат, телефонные звонки, даже внутри одной семьи. Организация семейных торжеств и дружеских встреч включает дополнительные требования — «Родственники, знакомые созванивались: «нужна ли помощь?» Взаимопомощь была. Всё-таки народ у нас дружный. Если приходит беда в Россию, то все стараются друг другу помочь» (М., 45 лет). Ограничение «списка гостей» выводит часть поздравлений и подарков в бесконтактные формы: поздравления через мессенджеры, подарки доставкой, денежные переводы через телефон. Это, в свою очередь, потребовало освоения необходимых компьютерных программ и гаджетов от тех, кто делать этого не собирался. Развитие представлений и услуг в отношении подарков и сюрпризов, которые могут быть сделаны дистанционно, также сделало широкий шаг вперед. Все это позволило по-новому отформатировать некоторые социальные связи: условно говоря, связи разделились на контактные и бесконтактные, на онлайн- и офлайн-связи. При этом «бесконтактность» не отменяет связь, а формирует новые способы ее создания, поддержания, развития. Доступность непосредственных контактов с окружающими значительно снизилась

для категорий лиц, относящихся к группам риска по заболеваемости новой коронавирусной инфекцией. Это привело к изменению стереотипов в отношении пожилых людей, детей, других групп, требующих повышенного внимания.

Изменения постигли и столь важные составляющие жизни любого города, как торговля и сфера услуг. Часть предпринимателей полностью завершила деятельность, не сумев адаптироваться к новым реалиям и связанными с ними требованиями. Львиная доля рассматриваемых городских объектов временно приостанавливала своё функционирование, следуя официальным рекомендациям властей. Стремление сохранить хотя бы частичную прибыльность своей деятельности подтолкнуло предпринимателей к использованию новой теневой формы ведения бизнеса — эксклюзивное обслуживание «при закрытых окнах». Оставаясь формально закрытыми на период действия жёстких COVID-ограничений, салоны красоты, парикмахерские, незаконно продолжали вести приём доверенных клиентов, запуская их через чёрный вход и не открывая шторы на окнах. Определяющим фактором доступности такой эксклюзивности выступает социальный, а не экономический капитал — наличие в индивидуальном арсенале знакомств, связей, или использование радиуса доверия проводников.

Наиболее чувствительные к переменам представители бизнеса оперативно оптимизировали свою деятельность, легально встраивая новые практики обслуживания населения, успешно укоренившиеся и пользующиеся большим спросом до сих пор: работа на вынос без посещения, опции бесконтактной доставки, добавление новых групп товаров. Информанты в своих высказываниях делятся успешным опытом встраивания в новую ограниченную социальную реальность — «Мы созванивались с аптекой, аптека говорила, когда они делали смс-сообщение. Самая лучшая отговорка, я мог показать смс-сообщение, что моё лекарство находится в той аптеке» (М., 45 лет). Однако, как видно из озвученных информантами мнений, далеко не всегда можно было воспользоваться привычными социальными сервисами дистанционно: «Пожилему человеку долбиться в закрытую дверь и не получить информацию, он просто пускает на самотёк. Многие люди даже не знают, что они по заболеванию могут получать какую-то льготу на лекарство компенсацию, и он продолжает покупать за свои деньги на последнюю пенсию лекарства» (Ж., 67 лет), «Вот этот дискомфорт, когда надо объяснять, когда тебе это жизненно важно, необходимо» (Ж., 30 лет). В условиях необходимости выработки адекватного ответа новым запросам времени организации адаптировались к требованиям, тем самым сохранив и преумножив доступность своих услуг.

Необходимость соблюдения ограничительных мер спровоцировала стирание привычных форм занятости и сформировала потребность пересмотра традиционной схемы организации труда. Трансформация системы реализации профессиональных практик была явно ощутима с первых дней пандемии. И.М. Вакула, Н.Х. Гафиатулина., изучавшие трансформацию сфер общественной жизни, в своих исследованиях позиционируют удаленную работу как «тренд пандемийного времени» [11, с. 32]. Переход на удаленный режим работы, предлагаемый работникам в связи с угрозой распространения заболеваемости, теперь рассматривается как признак прогрессивности компании и готовности работодателя проявлять заботу о здоровье работников (см. подробнее [12]). Территориальная принадлежность работодателя перестала быть анализируемым и имеющим значение фактором. Потеряв необходимость физического посещения места работы, жители городов снизили интенсивность регулярных перемещений, обрели большую степень свободы, расширили географию применения собственных трудовых навыков. Отмечается стирание территориальных границ работника и работодателя. Однако важно учитывать гетерогенность представителей рынка труда. Различные компании по-разному реагировали на тенденции времени. Самыми чувствительными к переменам оказались элементы коммерческого кластера. Государственные организации дольше остальных и в гораздо меньшем объёме внедряли удаленный режим работы, что порождало символическую «ковид-резистентность» среди представителей данного

сектора занятости — «Я работаю в общественном месте, то есть, мне поддаваться панике каждый раз и кричать отойдите от меня, ну, это бред. Я ношу маску, я ее меняю постоянно, каждые 2–3 часа, я мою руки, я ни к кому посторонним людям близко не подхожу, пью только из своей посуды, из своей бутылки и все» (Ж., 30 лет).

Пересмотру были подвергнуты популярные в допандемийный период досуговые практики жителей города. Формы организации досуга, связанные с привлечением большого числа участников, мигрировали в онлайн-формат: «Нашли ресурс, чем-то дома заниматься. Больше развивающих игр, книжки, меньше телевизор смотреть. Больше в доме играли в ролевые игры, живые» (Ж., 33 года). Однако именно в контексте пандемии информанты остро ощутили нехватку одинаково доступных всем категориям граждан альтернатив времяпрепровождения — «У нас по телевизору показывают, какие тряпки надеть «Модные приговоры» или «Кухонные бойцы» сковородку не поделили по первому каналу. Все что угодно, а не социальную поддержку. Я бы вообще хотел, чтобы на правительственном уровне ввели социальный канал» (М., 45 лет).

Для тех, кто не ограничен в передвижении физически, в период карантинных мер возродились закрытые встречи «по спискам», незаконно организуемые event-агентами в различных городах. Попасты на такие мероприятия было сложно, для этого необходимо было иметь доступ к информационному полю и большие по сравнению с прежними показателями экономические средства. В.В. Касьянов, В.В. Власова, Н.Х. Гафиатулина в своих исследованиях формулируют вывод о том, что пандемия обострила «очевидную картину системы неравенств» [13]. Отчасти похожие на бутлегеровские закрытые встречи, вечеринки пандемийного времени были популярны в молодёжной среде, несмотря на высокие риски заражения участников.

Таким образом, анализируя инверсию способов социального взаимодействия в период пандемии, мы выделяем несколько ключевых направлений их трансформации. Во-первых, появление новых символов и новой символической нагрузки ряда понятий. Во-вторых, развитие новых форм проявления лояльности и несогласия в отношении официального порядка, общественных интересов. В-третьих, фильтрация, разделение действий, контента, контактов, на онлайн- и офлайн-форматы. Эта позиция, в частности, интересна тем, что «перекроила» потребительские стратегии и работу сферы услуг. В-четвёртых, изменение рынка труда и сферы образования. В-пятых, усиление темпорального неравенства. Восприятие времени как ресурса и как возможности выбора играет особую роль в дальнейшем развитии социальных практик и поэтому занимает приоритетную позицию в этом списке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ярская-Смирнова В., Ярская-Смирнова Е. Социальная поддержка в эпоху пандемии: роль гражданских инициатив // “Ижтимоий ишнинг ривожланиши ва глобал муаммолар”. “XXI асрда социология ва ижтимоий ишнинг долзарб муаммолари” номли 6-даврий тўплам [Развитие социальной работы и глобальные вызовы. Сборник статей международной конференции], 2021. С. 97–102.
2. Здравомыслова Е.А., Ярская-Смирнова Е.Р., Омельченко Е.Л., Штейнберг И.Е. Куда идет качественная методология? коллективная дискуссия // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 1. С. 9–32. DOI 10.19181/inter.2022.14.1.1 — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48218003> (дата обращения: 19.03.2022).

3. Елфимова О.С. Концептуализация представлений о безопасности в социологической науке // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 3(27). С. 299–307. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47697678> (дата обращения: 12.03.2022).
4. Кузнецов В.Н. О социологическом преодолении фундаментального противоречия между свободой человека и его безопасностью // Безопасность Евразии. 2003. № 2(12). С. 7–52. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20208300> (дата обращения: 03.03.2022).
5. Владимирова Т.В. Социальная безопасность: к обоснованию социологической перспективы // Идеи и идеалы. 2011. № 1(7). Т. 2. С. 78–85. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16370107> (дата обращения: 29.01.2022).
6. Ослон А.А., Лебедева Л.С., Садыков Р.А., Паутова Л.А. Социология пандемии. Проект коронаФОМ / Рук. авт. колл. А.А. Ослон. М.: Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ), 2021. — 319 с.
7. Туркулец С.Е., Туркулец А.В., Листопадова Е.В., Сокольская М.В. Социальная стигматизация в период пандемии // Социодинамика. 2020. № 5. С. 11–25. DOI 10.25136/2409-7144.2020.5.32945 — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32945 (дата обращения: 14.03.2022).
8. Богдан И.В., Чистякова Д.П., Габов К.И. Соблюдение масочного режима и социального дистанцирования в период пандемии в городе: фактор снижения внешнего контроля и особенности практик // Здоровье мегаполиса. 2021. Т. 2. № 3. С. 54–65. DOI 10.47619/2713-2617.zm.2021.v2i3;54-65 — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47142606> (дата обращения: 21.02.2022).
9. Ярская В.Н., Домрачева Е.А. Опыт социологического анализа многоаспектных последствий пандемии как новой социальной реальности // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т. 16. № 3. С. 15–29. DOI 10.22394/2071-2367-2021-16-3-15-29.
10. Гареева И.А. Социальные изменения в условиях пандемии COVID-19 // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4(97). С. 99–109. DOI 10.22394/1818-4049-2021-97-4-99-109 — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47697678> (дата обращения: 10.03.2022).
11. Владимирова И.М., Гафиатулина Н.Х. Пандемия COVID-19: социологический взгляд на трансформацию сфер общественной жизнедеятельности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 3. С. 30–34. DOI 10.23672/e0575-0198-2001-1 — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45586646> (дата обращения: 12.02.2022).
12. Ярская-Смирнова В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р., Зайцев Д.В. Темпоральность социальной заботы: история, современность, перспективы. 30 лет социального образования // Социальное пространство. 2022. Т. 8. № 1. С. 1–5. DOI 10.15838/sa.2022.1.33.11.
13. Касьянов В.В., Власова В.В., Гафиатулина Н.Х. Пандемия как социальная трагедия для российского населения: обострение системы неравенств // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 1. С. 34–38. DOI 10.23672/f8418-0715-7640-b — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44673484> (дата обращения: 13.03.2022).

Bozhok Nikolay Sergeevich

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russia
E-mail: nikolaybozhok@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0116-1669>
RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=785713

Vedeneeva Yana Vitalievna

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russia
E-mail: vedeneeva_yv@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6017-4342>
RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=789096

Tchernetskaya Anzhela Albertovna

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russia
E-mail: acherneckaya@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5448-1087>
RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=472531

Inversion of social interaction of city residents in the situation of pandemic challenges

Abstract. The article is devoted to the consideration of changes in the social interaction of city residents formed under the influence of the COVID-19 pandemic. The focus of the sociological understanding of the essence of restrictive measures is precisely the change of the usual channels and formats of interaction of individuals, which has become the main consequence of restrictions. These processes were especially illustrative in large settlements, cities — where the density of social contacts is much higher. In this regard, the analysis of transformations of social interaction practices makes it possible to identify the key factors that formed the conditions for the rooting of the broadcast changes observed after the end of the restrictions. An interview was chosen as the research method. This method was applied to representatives of low-mobility groups of the population who are clients of social services: disabled people, parents of children with disabilities and elderly citizens (N = 27). The geography of the study has spread to three Russian cities: Kazan, Saratov, Tomsk (2021). Thanks to the use of this toolkit, it was possible to identify and analyze the main changes in social practices of low-mobility citizens in connection with restrictive measures. The advantage of this methodology of data collection and interpretation is a deep understanding of the phenomenon under study. The authors of the article, based on the results of a qualitative study supported by the opinions available in the current academic discourse, analyzing the inversion of ways of social interaction during the pandemic, identify several key areas of their transformation — the emergence of new symbols and a new symbolic load of a number of concepts; the development of new forms of loyalty and disagreement regarding the official order, public interests; filtering, separation of actions, content, contacts, into online and offline formats; changes in the labor market and education; strengthening of temporal inequality.

Keywords: COVID-19 pandemic; city population; social life; social processes; social dynamics; accessibility of the urban environment; social interaction; lifestyle design